

INSPIRIA

ВИНО, СЫР ... И УБИЙСТВО НА ДЕСЕРТ

ЭНН КЛЭР

INSPIRIA

Энн Клэр
Вино, сыр... и
убийство на десерт
Серия «Cyclist's Guide Mystery», книга 2
Серия «Ток. Как раскрыть убийство:
руководство для любителей»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74327206
Энн Клэр. Вино, сыр... и убийство на десерт: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-251996-3

Аннотация

Очаровательный велотур, живописные виноградники... И убийство, которое вставляет палки в колеса!

Сэйди и команда «ПеДАлей» хотят поразить самую требовательную группу в истории тура. Однако «Серебряные Спицы» – шестерых пенсионеров, объездивших полмира – не так-то легко удивить даже Эльзасом с его виноградниками, изысканной кухней и сказочной архитектурой. Впрочем, гости действительно потрясены – но не тем, чем хотелось бы...

Все начинается, когда одна из участниц утверждает, что во время ночной поездки врезалась в труп. Тело не находят, и Сэйди надеется, что это было дурное видение. Чтобы

разрядить обстановку, она ведет группу на виноградники, но незапланированный крюк заканчивается аварией – и жертвой становятся не только винные бочки: из одной вываливается мертвый мужчина. К ужасу Сэйди, погибший связан с туром.

Неугомонные «Серебряные Спицы» не хотят оставаться в стороне от событий, и Сэйди не остается ничего, кроме как ввязаться в расследование – ведь на кону жизни гостей и репутация «ПеДАлей». Удастся ли ей удержаться на маршруте достаточно долго, чтобы докопаться до истины?

«Наденьте шлемы и приготовьтесь к захватывающей поездке по французской сельской местности с отважной героиней, группой велосипедистов-туристов и убийцей. Очаровательная смесь тайны, путешествий и жизнелюбия!» – *ЭЛЛЕРИ АДАМС, автор бестселлеров New York Times*

«Прекрасная книга! Энн Клэр закручивает восхитительную, динамичную детективную историю во французской сельской местности с энергичным сыщиком-любителем, яркими персонажами и смесью запоминающихся подозреваемых. Возьмите это tout de suite!» – *КЛЕО КОЙЛ, автор бестселлера New York Times*

«Деревни, сошедшие с картинок, восхитительная французская кухня, таинственный жандарм и убийство. Новый оригинальный голос в детективах, Энн Клэр, попадает во все нужные ноты с ароматами, пейзажами, людьми и фантастической едой. Интригующие персонажи будут держать вас в напряжении, пока едут на велосипедах по очаровательным городам к блестящему финалу. Предупреждение: вам захочется запастись французскими сырами и круассанами!» – *КРИСТА ДЭВИС, автор бестселлера New York Times*

Содержание

Этап 1	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	40
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Энн Клэр

Вино, сыр... и убийство на десерт

Ann Claire

A Cyclist's Guide To Villians And Vines

Copyright © 2025 by Ann Perramond

© Хараз М... перевод на русский язык. 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство „Эксмо“». 2026

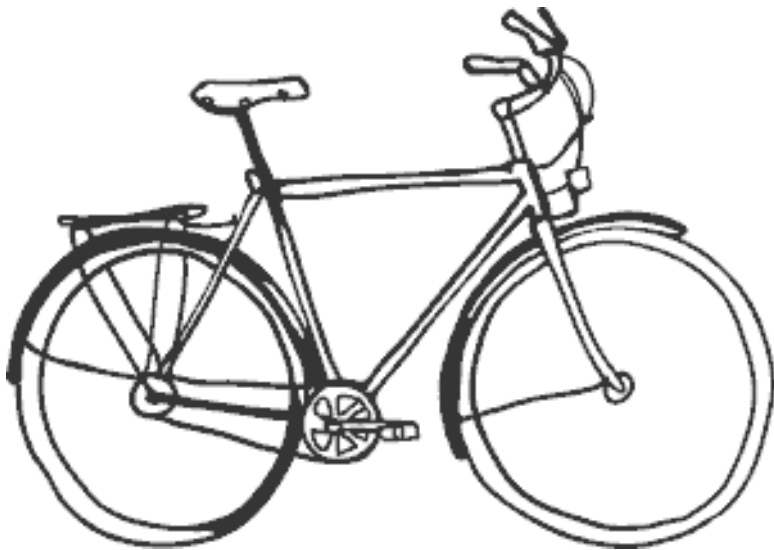
*Посвящается Лоре – твоя потрясающая
история завершилась слишком рано*

*Заметка: города и деревни, через которые
проходит тур «ПеДАлей», настоящие, однако
главная деревушка, Риквир, была изменена по
шпионским причинам. Л'Оберж-де-Труа-Синьон и
его окрестности – полностью вымышленные
места.*

Этап 1

Крутим педали в прошлое

Глава 1

Суббота. Деревушка Риквир, чуть за полночь.

Крути педали, оставляя позади печали. Я как-то увидела кружку с такой надписью на барахолке в моем родном городе Элм-Парке, штат Иллинойс. Время от времени я вспоминаю эту кружку. Не потому что она была какой-то особой редкостью. Она треснула у основания, а также его украшали огромные печатные буквы, указывающие имя бывшего владельца – СТИВ.

Я Сэйди. Сэйди Грин, гордая хозяйка «ПеДАлей», лучшей маленькой компании велотуров на юге Франции. Но «крутить педали, оставляя позади печали»? Да, это по моей части.

Заставляю еще тяжелые от недавнего сна ноги крутить педали быстрее. Колеса – и кости – трясутся, вздрагивают, преодолевая старинную мощеную улицу, а я пытаюсь настроить мерцающий фонарь велосипеда. Далеко впереди мерцает другой такой же фонарь, погружаясь глубже во тьму. В крошечную тьму, надо сказать. Облака, длинные и изогнутые, как пальцы ведьмы, тянутся, словно чтобы схватить полную луну. «Беги! – хочется мне крикнуть ничего не подозревавшему космическому телу. – Они прямо за тобой!»

На секунду кажется, словно луна меня услышала. С триумфальным блеском она выскальзывает на свободу, появляясь на небе, словно в сказочной книге-раскладушке. Холод-

ный свет поблескивает на черепице крыш, напоминающей чешую дракона. Гнезда аистов, по размерам не уступающие двuspальным кроватям, располагаются на трубах, а над спящей деревушкой возвышается древняя каменная башня.

Меня охватывает странное ощущение. Похоже, мы с велосипедом попали в прошлое! Сразу воображаю картины и звуки: женщины в шелестящих платьях, спускающиеся из замка на холме; скрип деревянных тележек; топот копыт; менестрели и рыцари, пекари и лучники, и...

Мое переднее колесо попадает в щербинку между камнями мощеной дороги. Резкая боль, пронизывающая меня от запястий до зубов, возвращает к реальности. Трескается фара.

А печали никак не желают оставаться позади.

Дурацкая кружка меня обманула!

Сожалею ли я о том, что вложила не глядя все свои сбережения в компанию велотуров? Ни в коем случае! Хотелось бы мне сейчас сидеть за своим старым рабочим столом в пригороде Чикаго и заниматься бухучетом, вместо того чтобы разъезжать по великолепной Франции? Нет, нет и еще раз нет! Но пусть я уже и не бухгалтер, счет и математика навсегда являются частью моей жизни. Встряхиваю уставшие руки и в уме перечисляю все горести и сожаления.

Во-первых, надо было купить ту кружку. Посыл хороший, и за два доллара я была готова простить ей небольшой скол. Ну а Стив... Я могла бы выпустить коллекцию посуды, темой

которой был бы Стив – идея, достойная классной ироничной кофейни. Более того, на самом деле это был настоящий жбан, в который влезло бы четыре кружки кофе – минимум, без которого я по утрам не чувствую себя человеком.

А ведь сейчас уже утро. У меня еще звенит в ушах от колоколов, оповестивших шестнадцатую ударами всех полуночников о времени: четыре удара – часы, двенадцать – каждый пятиминутный отрезок.

Главная проблема в том, что сейчас глубоко за полночь. Мне следовало бы давно быть в кровати. В роскошной кровати, достойной настоящей принцессы, которая расположена в классной гостинице, где нам с группой предстоит жить следующую неделю. Там идеально мягкие и пышные подушки, простыни нежнее шелка, а пуховое одеяло мягко обволакивает, убаюкивая в прохладной ночи.

И это подводит меня к моему главному сожалению: мало того что я покинула кровать – я позволила Кейко Андерссон вытащить меня на улицу в такой поздний час. Старое доброе высказывание «клиент всегда прав», возможно, следует пересмотреть, тем более когда оно звучит в твоей голове ночью.

Тишину нарушает резкий звук. Дверь? Ставни? Рыцарский турнир? Раздается короткий собачий лай, резкая нота, отскакивающая от плитки и камня. Я тут же пытаюсь рационализировать свое присутствие здесь.

Я здесь, потому что Кейко Андерссон, гостя, умоляла ме-

ня ей помочь. Потому что она была бледная, словно призрак, и настаивала. Потому что она что-то увидела.

Не так. Сказала, что увидела. Думает, что увидела.

Перехожу к рациональным объяснениям: Кейко увидела тень, игру сражающихся луны и облака. Ночью все выглядит не так. Мы уже доказали это, трижды объехав весь Риквир в поисках того места, где Кейко увидела...

Нет! Даже в мыслях не хочу повторять. Есть столько других объяснений. Злой розыгрыш. Простое недопонимание. Медицинская проблема, уже решенная.

Я здесь именно для этого – чтобы вежливо показать гостю, что она ошиблась. Кейко потом мне спасибо скажет. Утром вместе посмеемся. Или еще лучше – никогда не будем это вспоминать.

Сильнее давя на педали. Кейко далеко впереди резко заворачивает за угол; шестидесятивосьмилетняя женщина оставляет меня глотать пыль. Хотя, в мое оправдание, Кейко разъезжает на электровелосипеде – моем новом приобретении с мощной батареей. Если мои колеса и зубы перестанут стучать, я тоже смогу с ветерком прокатиться по тихой улочке.

Никогда не видела Риквир таким безлюдным. Справедливости ради, раньше я так поздно тут и не каталась. Я пробыла здесь всего неделю – приехала заранее, чтобы спланировать весь тур. Точнее, чтобы подготовиться, подобно студенту в ночь перед экзаменом по предмету, который он прогуливал

весь семестр.

Подкрадывается еще одна печаль: если я хочу провести завтра хороший тур, мне необходимо поспать. Конечно, группа состоит из шести весьма приятных пенсионеров, это велоклуб с очень милым названием – «Серебряные спицы». Люди приятные и полные энтузиазма. И немного пугающие, потому что знают все о... в принципе, обо всем.

Мне хочется их поразить. Они хотят, чтобы я их поразила. Они так и сказали в анкете, которую заполняли перед туром. «Удивите нас! Порадите нас! Порадите нас до смерти!»

Ну нет! Никаких смертей в этом туре!

Что касается задачи поразить – я чувствовала бы себя гораздо увереннее в Сан-Суси-сюр-Мер, деревушке, где само название обещает отсутствие беспокойств, помещенной между Средиземным морем и Пиренеями. Но эта группа попросила провести тур по Эльзасу на северо-востоке Франции; это самый далекий от дома тур, что я устраивала. Не поймите меня неправильно, я рада здесь быть. Эльзас прекрасен – это идиллическая сказка с волшебными фахверковыми домами и холмами с виноградниками, идеальными для велопрогулок.

Только вот это не моя идиллия. Заворачиваю за угол; делаю это слишком резко. Заднее колесо скрипит. Передо мной внезапно появляется выдавшая виды стена, бледная, словно кость. Делаю то, что учу гостей не делать никогда: сжимаю тормоза и наклоняюсь к ручкам.

Несчастные случаи могут произойти очень быстро, и моргнуть не успеешь. Это ночной кошмар любого тур-гида. Сопровождавая велосипедом, я с ужасом осознаю, что сбылся ночной кошмар тур-гида: я потеряла туриста.

– Кейко? – театральным шепотом зову я в чернильно-черной тишине.

Дорожка разветвлялась в трех направлениях, в равной мере покрытых тенью. Облака догнали луну; мотыльки собрались под тусклым светом старинного фонаря.

Словно прочувствовав атмосферу, лампочка моего велосипеда мигает, слабеет и отключается.

Отлично. Просто прекрасно. Как будто мне проблем не хватало. Я забыла зарядить лапочку. Я уже год работаю тур-гидом, но все еще совершаю такие ошибки.

Решаю позвать Кейко еще раз.

– Мисс Андерссон?

На третьем этаже в окне развивается кружевная шторка, словно квартира похрапывает. Над головой проносится «вжух». Поднимаю голову, и как раз вовремя, чтобы увидеть пролетающего мимо аиста. В Эльзасе считается, что увидеть аиста – это на удачу, но огромная птица выглядит словно птеродактиль, и я невольно сильнее сжимаю руль, чтобы если попаду во временную петлю, хотя бы оказаться там с велосипедом.

Где же Кейко? Я должна найти ее.

Вслушиваюсь в тишину. Откуда-то сверху раздаются мяг-

кие щелчки. Щелчки и скрежет. Надеюсь, это приносящие удачу аисты, и все. Пытаюсь включить фонарик на телефоне, когда до меня доносятся новые, человеческие звуки – низкое, недовольное бормотание. Сначала мне кажется, будто это я и бормочу. Только вот мой рот закрыт. Звук исходит откуда-то с левой дорожки.

Конечно, именно с этой дорожки, самой темной из трех, шириной всего в пару метров. Если бы это был ужастик, опасность таилась бы именно там. Обезумевший мим, жаждущий меня задушить. Маньяк, помешанный на мясных нарезках, вооруженный ножом, крючком и приправами.

А это – учитывая слова Кейко – вполне может оказаться правдой.

Спешиваюсь и веду велосипед по чернильному тоннелю, на всякий случай продумывая план побега. Можно использовать велосипед как щит. Шестерни – как оружие. Можно запрыгнуть в седло и...

За углом оказывается небольшой дворик в форме кривого треугольника. Старинные домики стоят плечом к плечу, мерно посапывая. Кейко стоит посреди дороги. Свет фары ее велосипеда направлен на метровую винную бочку.

Кейко крутит руль на месте, превращая свет фонаря в яркую полосу, освещающую розовую штукатурку, золотистые розы и разноцветные ставни – изумрудные, перванш, бирюзовые, красные.

– Это было здесь, – сказала Кейко, хмурясь и оглядываясь

по сторонам.

Стараюсь изобразить смесь профессионализма и заботы. Это просто легкое притворство. На самом деле я чувствую смесь облегчения и легкого недовольства: вы вырвали меня из принцессной кровати и напугали до смерти просто так? Но ничего страшного. Ничего страшного!

– Что-то не так. – Кейко проводит рукой по волосам, в основном черным, но с проседью. Ее велошорты украшает веселый принт с ромашками. Из кармана персиковой ветровки свисают и болтаются розовые проводные наушники. Ростом она всего метр пятьдесят, но держится с потрясающей уверенностью – тут, думаю, дело в ее профессии. Кейко – оркестровый дирижер, уже вышедший на пенсию и вдвое сокративший рабочие часы. При планировании тура надо было учитывать ее занятость. В июле у нее фестиваль классической музыки в Стокгольме. Осенью она помогает организовывать «вагнеровскую феерию»: пятнадцать часов оперы в бывшем курятнике неподалеку от дома Кейко в Котсвольдсе. На велосипеде я готова разъезжать хоть весь день, но такое количество оперного пения в курятнике – это как будто бы слишком.

Кейко указывает на бочку, словно веля сменить тональность:

– Я помню эту бочку.

Я тоже ее помню. Я была тут пару дней назад, когда искала хорошие рестораны в округе. На бочке красовалось на-

писанное от руки меню винштуба, или винной лавки, – быстро в деревенском стиле, где можно купить любимую местными еду, на становление которой большое влияние оказали соседи-немцы. Это и рульки, и колбасы, и претцели, и петух в вине, только в белом вместо красного, и квашеная капуста. Очень много квашеной капусты. Которая, кстати, тоже включена в нашу программу.

Когда я здесь была, сфотографировала меню и окрестности. Винный магазин по соседству – просто как с картинки; второй этаж увешан старыми приспособлениями для ухода за виноградом: корзинки, молоточки – и пробки от бутылок. Перед самым домом стояла старинная тележка, набитая цветами герани, такими же красными, как ставни. Сейчас ее нет – видимо, на ночь убирают в дом, как и рыцарские доспехи, охраняющие соседнюю галерею антиквариата, и фигуру шеф-повара в берете, встречающую посетителей пиццерии на углу. В этой пиццерии я запечатлела свое знакомство с *tarte flambée*; тарт фламбе – хрустящий плоский пирог с крем фрешем, луком и копченым беконом. Вот это было открытие! Необходимо провести глубокое исследование, требующее длительной дегустации.

Свет фонарика Кейко падает на металлическую поверхность. Алюминиевые столы и стулья пиццерии на ночь собраны у стены заведения. К завтрашнему обеду столы выстроятся в ряд от одного края дворика до другого; этот ряд будет вести к дорожке с холма, а оттуда до нашей гостиницы

рукой подать, всего лишь 400 метров. Мы так скоро можем оказаться в кроватях. Слегка перестраиваюсь, чтобы велосипед смотрел в том направлении.

Кейко разворачивает руль на меня. Моргаю от резкого света в глаза.

– Ну что ж! – говорю я. Каждый тур-гид понял бы мой тон в этот момент – спокойный, но уверенный, как бы говорящий: «Итак! Мы с лихвой насладились этой ужасной остановкой, едем дальше!» – Можем вернуться в отель по этой дороге, – добавляю я с надеждой в голосе, указывая на одну из дорожек.

Кейко с велосипедом направляются в противоположную сторону. Она останавливается у винной бочки и покачивает ее, прислушиваясь к гулкому, пустому звуку.

– Я даже не собиралась сюда заворачивать, – говорит она, все еще держась за бочку. – Мне перебежала дорогу кошка. Она бежала отсюда, и мне пришлось завернуть, чтобы не сбить ее. Так я здесь и оказалась. Кошка была трехцветная. Сами понимаете, какие они.

Я не понимаю, но все равно вежливо киваю. Когда я чувствую смятение, я всегда киваю, будто понимаю, о чем речь, – а это очень дурная привычка. Это у меня началось – как и одержимость круассанами – во время первой поездки во Францию. Тогда я только-только окончила школу, и отличные оценки означали, что я могу представиться, спросить, как пройти к библиотеке или бассейну, и во всех крас-

ках расписать, что лежит у меня в чемодане.

Но мне хотелось понимать. Я чувствовала, что должна понимать. Поэтому я просто кивала на все, что мне говорили французы. У вас жуткая болезнь? Да-да, звучит чудесно! Хотите продать мне какое-то великанское электрическое приспособление для дома? Oui, oui, merci!

– Трехцветные кошки властные, – сообщает Кейко. – У них есть «тортитюд»¹. Посмотрите в интернете, что это.

Моя голова соглашается. Ладно, сейчас моя главная задача – вернуть Кейко в отель. Репутацию трехцветных кошечек я могу спасти и завтра.

– Я заезжаю сюда и вижу... его. – Кейко хмурится, бросая взгляд на мощеную дорожку.

Вместо oui, oui моя голова переходит на non, non!

– Мужчину. – Кейко переходит на шепот. – Мертвого мужчину.

По моим рукам пробегает марафон мурашек. Смотрю на камни, сглаженные не одной сотней лет. Они чисты. От трюпов так уж точно. Даже опавшие лепестки герани смели в рядок у антикварной лавки.

Слишком чисто? Ну нет! Ерунда какая-то. Риквир – офи-

¹ Тортитюд (или тортиетьюд) – *англ.* Tortitude, означает манеру поведения кошек «с характером»: недовольный взгляд, «отчитывание» хозяина мяуканьем, своенравное поведение. Это слово можно расшифровать как «черепаховое поведение» – считается, что тортитюд якобы в большей степени присущ кошкам с черепаховым окрасом. – *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

циально одна из «Самых красивых деревень Франции». Les Plus Beaux Villages de France подразумевают чистоту и безопасность. Они полны цветов, а никак не мертвых тел.

– Я его не сбивала. – Кейко отводит взгляд. – Я вовремя затормозила.

Не слишком ли усердно она оправдывается? Но ведь перед нами нет никакого тела. Складываю руки вместе, маскируя молитвенный жест под непринужденный хлопок.

– Что ж! – восклицаю я. – Сейчас его нет, так что...

Так что давайте-ка валить отсюда!

Где-то над нашими головами со скрипом закрываются ставни. А Кейко застыла, словно статуя.

Да что она от меня хочет? Напоминаю себе, что людям, которые берут подобные туры, хочется по-новому взглянуть на мир. Обвожу рукой мощеную дорожку (без единого тупа) и предлагаю новые перспективы:

– Возможно, мужчина был пьян? Местный любитель вина? Турист? Люди в отпуске могут забыться.

Кстати говоря... Подхожу чуть ближе к Кейко и незаметно (хочется верить) принохиваюсь. Улавливаю нотки жасминового парфюма и фыркание, которое ощущается как пощечина.

– Я знаю, что видела, – говорит Кейко. – Он был здесь. Ровно там, где вы стоите.

Инстинктивно отпрыгиваю в сторону. Ноги, как и мой свернувшийся узелком желудок, верят Кейко.

– А вы... э-э... проверили, есть ли у него пульс?

Усиленно пытаюсь найти объяснение. Он упал в обморок. Он не выдержал очарования одной из «самых красивых деревень Франции», полежал, пришел в себя и отправился домой, где ему уже снятся фахверковые дома и квашеная капуста.

Кейко недовольно поджимает губы.

– Я, знаете ли, не трогаю незнакомых мужчин.

Тут – как я и боялась – начинается позирование.

– Он лежал вот так. – Кейко откидывает руку в сторону, поворачивает голову, задирает подбородок и широко распахивает глаза. – Только не надо так на меня смотреть! – фыркает она, замечая ужас на моем лице. – Он точно был мертв. Даже если бы он лежал по-другому, у него была аура. Аура смерти. Уж вы-то должны знать, что это, Сэйди Грин.

Уж я-то? Я могла бы сделать вид, что не поняла ее, или оскорбиться, но я прекрасно знаю, что она имеет в виду. И еще я знаю, что – буквально и фигурально – молния может дважды ударить в одно место. Вот и в двух турах одной маленькой компании, сосредоточенной на радости, путешествиях и круассанах, могут дважды случиться преступления.

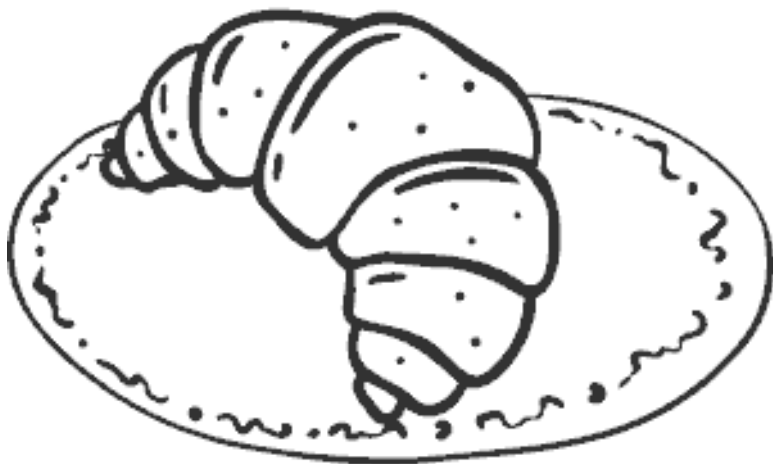
Но в самом деле! Что это за космическая несправедливость?

Заставляю себя отогнать эту мысль, твердо и уверенно покачать головой: *non, non!* Но страх сковал меня.

Я поехала за Кейко в темную ночь, чтобы доказать, что

она ошиблась. Пустая улица перед нами показывает, что мне это удалось. Я должна радоваться – скакать, смеяться, ходить колесом. Так почему же теперь я боюсь, что Кейко говорит правду?

Глава 2

Суббота. Доброе утро! Надеюсь, вам понравилась первая ночь в Л'Оберж-де-Труа-Синьон. «Гостиница Трех Аистов» – наш приют на время этой поездки. Сперва мы насладимся роскошным завтраком, а затем отправимся в длинную и увлекательную велопрогулку на весь день.

* * *

И кто только придумал считать овечек, чтобы уснуть? Вероятно, это был какой-нибудь древний пастух, загоняющий

стадо на ночь в овчарню. Хотя я, как тур-гид, в этом сомневаюсь. Постоянные подсчеты я могу понять. Но ведь овцы перепрыгивают через заборчик? Заборчик, через который они спокойно могут снова перепрыгнуть, как только пастух уснет? И как же хищники, которые точно так же могут проникнуть в овчарню?

Я рухнула на кровать в 01.42, но роскошное постельное белье и скачущие барашки меня не убаюкали. Стоило мне сомкнуть веки, как воображение тут же рисовало мертвые глаза и Кейко, которая решительно едет обратно в темноте, а из-за виноградной лозы за ней наблюдает угрожающая фигура.

Другие математические приемы отвлечения также не сработали. Я составила рейтинг лучших круассанов, что попробовала за последнее время. Сосчитала количество шагов от моря до моего коттеджа в Сан-Суси. Принялась считать тиканье старых настенных часов.

Я не уснула. Не могла уснуть. Точнее, мне так казалось.

Внезапно осознаю, что продолжаю считать. Меня это поражает по трем причинам. Первое – я внезапно очнулась. Значит, я все-таки задремала.

Второе – карнизы. Поскольку моя кровать находится в мансарде с кривым потолком, если подняться на кровати, как одержимая в фильме ужасов, можно тут же стукнуться лбом о многовековой эльзасский дуб.

Третье – свет. Не бледно-серый предрассветный. Не зо-

лотистый, как от первых лучей солнца. Даже не пляшущие звездочки, которые видишь после сильного удара головой. Яркий и ясный свет проникал в комнату сквозь кружевные шторы.

Я не просто уснула. Я проспала!

Отбрасываю скомканное одеяло и натягиваю на себя рабочую одежду, в очередной раз про себя радуясь спандексу – никаких тебе пуговиц и молний, и, что самое приятное, никакой глажки.

Настенные часы показывают, что сейчас восемь сорок пять. Из деревни доносится колокольный звон, обозначая очередную четверть часа. Я настолько опаздываю, что счет идет на минуты. Согласно моему тщательно продуманному расписанию, мы должны отправиться на длительную вело-прогулку ровно в девять.

Сбегаю вниз по лестнице; мои шлепанцы хлопают по деревянным ступеням. Хотя обычно в отелях я веду себя тише мыши – передвигаюсь на цыпочках, говорю шепотом. Но обстоятельства вынуждают изменять привычкам. В конце концов, сейчас это не так страшно, ведь эта небольшая гостиница, которая когда-то была жилым домом, на всю неделю полностью в нашем распоряжении. Хозяйка гостиницы и ее семья живут в коттедже, отделенном от гостиницы очаровательным и изысканным садом. Надеюсь, вся группа сейчас в саду, гуляет и наслаждается цветами. Еще лучше, если они в своих номерах, готовятся к длинному дню. Не хочу, чтобы

они видели меня растрепанной и опаздывающей. Тур-гиду очень важно производить хорошее впечатление.

Я встретила «Серебряных спиц» вчера утром на вокзале в Страсбурге. Приехала заранее и встала с подготовленной табличкой с названием группы. Чуть не пропустила их, потому что слишком увлеклась красотой станции, историческим фасадом, покрытым современным стеклянным панцирем, словно снежным шаром.

Группу вокзал не впечатлил, как и моя заученная речь об архитектуре вильгельмовской эпохи². Они все это уже видели. Более того, они видели Страсбург во все времена года, даже на волшебных рождественских ярмарках тут были; для меня это пока только пункт в списке желаний.

Так что я усадила всех в фургончик «ПеДАлей», и мы сразу отправились в гостиницу. После небольшой велопрогулки и пикника у виноградника все отдохнули в гостинице перед первым совместным ужином. После этого я отправилась с Кейко на поиски трупа в ночи.

Сейчас, в утреннем свете, этот ночной кошмар словно растворяется. Труп? Исчезнувший труп? Как я могла в такое поверить?

Я знаю, как. Всему виной ведьмовские тучи и темные аллеи. Ночные звуки. Мое свежее ПТСР³. И Кейко, требова-

² Имеется в виду период правления кайзера Вильгельма II (1888–1918 гг.) в Германской империи.

³ ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) – психическое состоя-

тельная и обеспокоенная.

Задняя лестница книзу становится еще более крутой, и я чуть не падаю на пол коридора. Рядом словно раздаются шаги – кто-то уходит и закрывает дверь. Это снова мое богатое воображение? Или, может, призраки? Если бы я в них верила, представляла бы, как они летают по этому старому хаотичному дому. Портреты предков хозяйки холодно и неотрывно смотрят из-за балок, как я прохожу по коридору. Их взгляды кажутся мне осуждающими. Кто я такая, чтобы в шлепанцах расхаживать по их семейному гнезду? Кем я себя вообразила, чтобы давать туры по Эльзасу? Да и вообще по Франции. Еще и на велосипеде!

Коттедж в Сан-Суси стал мне настоящим домом. Домом мечты, несмотря на подтекающую крышу и дроздов, которые решили свить гнездо в камине. Коллеги стали мне семьей. У меня появились друзья и, может быть – возможно, – расцветающая романтическая связь. Меня хорошо знают хозяева гостиниц, хранители музеев, хозяева лавочек, пекари – во всем великолепном департаменте Восточные Пиренеи.

За моими турами есть дурная слава, это правда. Но меня все чаще и чаще приветствуют (*«bonjour, Madame Greene»*), болтают со мной о погоде, выпечке, велосипедах, сырах. Я просто обожаю эти разговоры в очередях!

ние, возникающее после пережитых тяжелых стрессов, травм или угрозы жизни; проявляется тревожностью, навязчивыми воспоминаниями, избеганием напоминаний о событии и повышенной возбудимостью. – *Прим. ред.*

Но иногда меня начинают терзать сомнения, шептать и свистеть у меня в ухе, как спущенное колесо. Ты самозванка, чужая, обманщица.

Я бегу на голоса, доносящиеся из столовой. У порога тор-
можу. Столовая – новая пристройка, легкая, безо всяких тя-
желых балок. К патио, полному цветов, ведут стеклянные
двери. Мягко клацают чашки и приборы, шуршат газеты.
Скарлетт Крабтри-Торн восседает во главе стола.

Скарлетт – матриарх группы, настоящая королева. Она и
правда имеет связи с короной: ее муж сэр Руперт был удо-
стоен рыцарского звания. Руперт в туре не участвует. «Рупи
никогда не был любителем велосипедов», – сообщила мне
Скарлетт вчера, когда мы ехали из Страсбурга.

Это можно понять – хотя я не знаю, как велосипеды могут
не нравиться, но каждому свое. Другие аспекты отсутствующе-
го Руперта более туманны.

Скарлетт тычет ножом для масла в Кейко, на которой ру-
башка желтая, как солнце, и выражение лица кислое, как ли-
мон. Она все еще злится, что я вчера отказалась звонить в
полицию? Ну а что я должна была им сказать? «Знаете, тут
на улице ничего нет»?

– Так вот, говорю я моему Рупи... – произносит Скарлетт.

Скарлетт говорит, немного растягивая слова – этим она
обязана жизни в Чарльстоне, штат Северная Каролина;
там Скарлетт родилась, выросла и вышла замуж – первые
несколько раз.

– ...Говорю: «Рупи, милый, если ты в скором времени не присоединишься к своим предкам, то я за себя не отвечаю», и...

«Присоединишься к предкам»? Вот что смущает меня в сэре Руперте больше всего – Скарлетт уже несколько раз его упомянула в странном контексте, вроде «милый Руперт, теперь поистине покойный», и «мой дорогой Рупи, спящий бесконечным сном». Он мертв? Мне жутко любопытно, но не могу же я просто взять и спросить. Все время забываю его загуглить. Ведь «сэра» должно быть несложно найти, особенно если у него есть некролог.

Скарлетт драматично поворачивает голову и замечает меня.

– Сэйди, дорогуша! Ну наконец-то! А мы уже испугались, что и тебя тоже потеряли!

Может, она просто обо всех так говорит? Выдавливаю из себя улыбку.

– Ох, бедняжка. – Скарлетт подушечками пальцев касается кожи под глазами. Ее кожа мягкая и подтянутая. Ей почти восемьдесят, и почти все время она проводит на солнце. Во время своих путешествий она нашла либо источник вечной молодости, либо гениального пластического хирурга. Она подносит руку к своему идеальному лбу, показывая, где примерно находится моя набухающая шишка размером с яйцо – подарок от балки над кроватью.

Знаю, знаю... Выгляжу я не очень.

– Только взгляните на нее! – приказывает Скарлетт всему столу. – Наша Сэйди совершенно измотана!

Морис Гидри и Бенджамин «Бенджи» Патель – друзья не разлей вода уже много десятков лет и любители искусства и винтажной мебели – опускают газеты и оглядывают меня сверху вниз. Качают головами. Синхронно цокают языками.

Скарлетт поворачивается к Кейко.

– Кей-Кей, извинись. Наша девочка совсем измотана, а тур еще даже не начался. Нельзя допустить, чтобы у нее случилась остановка сердца, как у того несчастного гида в Тунисе, которого нам пришлось оставить. – Ее серебряная стрижка-каре поблескивает на солнце, сверкая ярко-красными прядями.

– Та поездка была изнурительной, – бормочет Морис, скрещивая худые, но мускулистые ноги.

– Нет, нет! Я в норме, – говорю я. – Все хорошо. Все отлично! – Надеюсь, я не кажусь им изнурительной. Тур-гид ни в коем случае не должен изнурять, утомлять, докучать, поучать, магнитом притягивать преступления, теряться и опаздывать. – Мне просто нужно... – Кофе. Мне нужен кофе.

Стол покрыт эльзасской бело-красной льняной скатертью. На ней стоят красивые фарфоровые чашечки, плетеные корзинки и стеклянные графины с резьбой. И разрушение. Опустошение. Крошки, мякоть, великолепные маслянистые лепестки круассанов, которых больше нет.словно голодные вороны спустились на патио, чтобы полакомиться «разнооб-

разным и изысканным завтраком», предлагаемым гостиницей.

Ну ничего, успокаиваю я себя. У меня с собой есть перекус, да и, согласно моему маршруту, нас ждут вкусные остановки по меньшей мере каждые пятнадцать километров. Под вкусными остановками я в идеале имею в виду круассаны, но в Эльзасе это скорее будут мягкие крендели или яблочные штрудели, что тоже очень даже приятно.

Но кофе... На столе стоят четыре френч-пресса – точнее, *cafetières*, – опущенных до дна.

– Извиняться? – фыркает Кейко. – За что я должна извиняться перед Сэйди?

– Да, это я должна извиняться, – говорю я, в ответ на что Кейко деловито кивает. – Я проспала. Всему виной эти прекрасные кровати. Я спала, как... – Моя белая лож грозит стать неприятной оговоркой. Пытаюсь подобрать слова: – Спала как...

– Как убитая? – перебивает меня Кейко тоном суше недельного багета. Я морщусь, и она разворачивается к остальным: – Вот видите? Я же сказала вам, что Сэйди мне поверила. Я нашла труп. – Она триумфально поднимает ложку. Рукав блузки задирается, и я замечаю пластырь на ее локте. Поймав мой взгляд, Кейко опускает рукав.

Морис аккуратно складывает газету. На первой странице сообщается, что лама, известная любовью к винограду пино-нуар, свободно бегает по окрестностям.

– Вы и правда верите, Сэйди? – спрашивает Морис. Морис – американец, как и я, но уже несколько десятков лет он живет в Англии, и это повлияло на его произношение. Лично мне кажется, что он говорит, как профессор, – и выглядит соответствующе. Особого шарма прибавляют его взъерошенные седые волосы и очки в золотой оправе на кончике кривого носа – просто Эйнштейн на велосипеде.

Его кривой нос меня очень интересует. Морис – опытный велосипедист. Это результат падения? Или, может, мозговые любители антиквариата иногда лезут в драки? Во время аукционов, например. Или на презентациях антиквариата.

– Но дамы, куда же подевалось тело? – Морис философски постукивает пальцем по верхней губе. – Погибший господин восстал из мертвых и ушел? По Эльзасу бродит зомби?

Бенджи внезапно опускает газету.

– Вот это было бы интересно! – Его лысину прикрывает лиловая кепка-плоскодонка. Густые брови радостно приподнимаются. – Наконец-то хоть что-то новое и захватывающее в очередном туре.

Качаю головой. Поднимаю руки, изображая колеблющиеся чаши весов, словно существует некое состояние между «мертв» и «не мертв», между трупом и человеком, который просто встал и ушел. Стараюсь быть вежливой ради Кейко.

Она, до этого момента разделяющая грейпфрут, опустила ложку на стол с силой, опасной для фарфора.

– Я своими глазами видела тело. Этого должно быть до-

статочно.

– Ну хватит, хватит. – Скарлетт оглядывает всех за столом. – Не будем говорить о каких-то пропавших телах. Мы обещали нашей молодежи веселое приключение! Не забывайте, мы хотим, чтобы они стали постоянными участниками. Нашей группе нужна свежая кровь.

– Мы как вампиры, – шепчет мне Бенджи. – Разъезжаем ночами по улицам, ищем свежую кровь.

«Свежая кровь» – двое новеньких в группе, Розмари Перч и Лайонел Ллойд; обоим за пятьдесят. Розмари – крестница Скарлетт. Она управляет компанией по производству печенья, которая переходит из поколения в поколение, – «Розовые коржики». Лайонел – фабричный менеджер и финансовый директор. Они изучают карту ресторанов Мишлен, соприкоснувшись лбами, словно они – влюбленные подростки, а не вдова со стажем и холостяк с еще большим стажем.

Розмари поднимает взгляд, продолжая перебирать пальцами свободную светлую косу, лежащую на левом плече.

– Все нормально, Скарлетт. Кейко, тебе наверняка было не по себе, звучит это жутко.

– Спасибо, Розмари, – строгим тоном отвечает Кейко. – Так и было.

Лайонел изучает карту так пристально, словно она может по волшебству переместить его куда-то подальше от этого разговора. Его палец прижат к границе со Швейцарией.

Мне хочется, чтобы все мои группы наслаждались при-

ятными, увлекательными, жизнеутверждающими турами. Втайне мне эгоистично хочется, чтобы у этой группы тур был самым лучшим. «Спицы» приехали сюда из Нижнего Торнбери, небольшого городка в регионе Котсуолд, который славится каменными коттеджами золотистого оттенка, овечками, живописно пасущимися на лугах, и клубом садоводов, удостоенным специальной награды.

Нижний Торнбери – родина моей наставницы в ведении бизнеса и жизни экспата, Би; она провела там половину своего детства, а другую половину – на Бермудах. Потом Би влюбилась во Францию, велосипеды и ее провансальского принца, Бернарда. Когда много лет спустя эти прекрасные люди были готовы выйти на пенсию, они изменили мою жизнь раз и навсегда, выбрав меня новой владелицей их бизнеса велосипедов.

Сестра Би по-прежнему живет в Нижнем Торнбери. Как и ее сын, обожаемый «маленький» племянник Би – Лайонел, мужчина пятидесяти семи лет, пристально разглядывающий карту. Несмотря на семейные связи, для Лайонела это первый тур с «ПеДАлями». И далеко не первый для старших членов группы. Вчера за ужином они только и делали что восхищались Би и Бернардом. Какие они умные, спонтанные, интересные, подтянутые и вообще прекрасные. И все это – чистая правда. Облегчили мне задачу, да? Нет!

Мне хочется показать им, что я – достойная преемница «ПеДАлей», а не просто какая-то иностранка, которая ед-

ва ли не разрушила этот бизнес. Хочется стать частью истории, которую они когда-нибудь кому-нибудь расскажут. «А помните ту поездку с Сэйди? Роскошная была поездка! Какая еда, какие виды, какое расписание!»

И раз уж я фантазирую, позволяю себе помечтать об отличных отзывах, которые услышат Би с Бернардом, которые сейчас отдыхают в карибском круизе с матерью Лайонела. Все-таки в открытках обычно про трупы не пишут. Пытаюсь перевести разговор на более позитивную тему.

– Сегодня прекрасная погода. – Указываю на светлое синее небо и принимаюсь нахваливать нашу первую предстоящую остановку, деревушку под названием Юнавир, известную винодельнями и потрясающим фонтаном.

Бенджи меня перебивает:

– Мы обожаем фонтаны! Помните, как мы отдохнули на горячих источниках в Японии с макаками? Просто божественно!

Что ж, в этом фонтане макак точно не предвидится. Он маленький, но с историей. Не оставит равнодушным ни одного фаната святой Гунны, покровительницы прачек, родившейся в седьмом веке. Я выучила всю ее историю. Я готова рассказать им о церкви Иакова Старшего (розовый песчаник, совершенно уникальная лестница, изумительные фрески XVI века) и о *maisons de vigneron*s («домах виноградарей», которые отличаются наличием ворот).

Согласно легенде, святая Гунна превратила воды фонтана

в вино. Это очень серьезно. Чудо высшего калибра!

И все же... увы, никаких макак.

Старшие велосипедисты, за исключением воюющей с грейпфрутом Кейко, погрузились в воспоминания о других фонтанах. «А помните, как наша Скарлетт решила искупаться голышом на площади Трокадеро! У-у-у... Показала свою луну Эйфелевой башне при полной луне».

– Приступ жара. – Скарлетт невинно обмахивается ладонью. – Я критически нуждалась в двадцати струях холодной воды.

Кейко резко втыкает нож в грейпфрут.

– Я нашла труп. А вы обсуждаете безграничный нудизм Скарлетт?

Бенджи подавляет смешок. Сидящие за столом бросают друг на друга взгляды, значение которых остается для меня загадкой, разгадать которую невозможно. Вот так всегда, когда работаешь с группой старых друзей. Можешь ехать рядом, но догнать их не получится никогда.

– Давайте, – требовательно говорит Кейко. – Скажите, что думаете.

Морис послушно склоняет голову.

– Аристотель не стал бы требовать от нас доказательства обратного. Однако может ли быть такое, что трупа не было вовсе? Помните, как было в Намибии, когда мы все увидели одинаковый мираж?

– Не одинаковый! – возражает Скарлетт. – Вы все видели

обычных мужчин. А я видела Питера О'Тула. – Она похлопывает себя по сердцу. – Молодого О'Тула. Лоуренса Аравийского. Ах, я едва ли чувств не лишилась!

– Ты чуть не лишилась чувств при виде О'Тула в Марокко, – поправляет ее Морис. – После того подозрительного таджина⁴, но перед пограничниками и... хм-м? – Он изображает, словно отсчитывает купюры, и улыбается мне. – Мы часто теряемся в пустынях. Это хорошо, что вы не стали включать их в ваше крайне плотное расписание, Сэйди.

Это был наезд? Расписание я и правда составила крайне плотное и подробное, главным образом в качестве шпаргалки для себя самой. Но в этот момент меня волнует другое – как можно потеряться в пустыне? На совершенно открытой местности?

– Мне не привиделся какой-то актер, – фыркает Кейко. – На дороге лежал настоящий человек. Я переехала через его... – Она замолкает. Я затаиваю дыхание. – Он был мертв. А потом его не было вовсе. Пуф!

– Бывает, что настоящие трупы исчезают, – говорит Розмари дрожащим голосом.

Лайонел берет ее за руку. Он наконец поднял голову, но лишь чтобы недовольно оглядеть собравшихся. Есть люди с глубокими морщинами, натренированными, высеченными, как изображения на шедеврах архитектуры. На лбу Лайонела

⁴ Таджин – традиционное марокканское блюдо и керамическая жаровня с высокой крышкой, в которой тушат мясо, овощи и специи. – *Прим. ред.*

практически на глазах формируется новый контр-рельеф.

Отлично. Одна гостья утверждает, что нашла труп. Другой учится хмуриться.

Лайонел изначально был холодно настроен по отношению к туру. Он прибыл сюда с кипой туристических брошюр, которые заказал специально для поездки. Можно было бы предположить, что ему просто не терпелось насладиться отпуском, но вчера днем я видела, как он сидит в саду и изучает брошюры – как человек, читающий список побочных эффектов нового рецептурного препарата.

Зачем он вообще отправился в поездку? Из-за любви? Под давлением мамы и тети? Би призналась, что если у ее любимого племянника и есть недостаток, то лишь один: Лайонел слишком серьезно относится к работе. Также он «еще не до конца познал все прелести велопрогулок». Что означает, что на велосипеде он ездил крайне редко.

Трудоголизм я прекрасно понимаю. Я и сама была такой, когда работала в офисе в Америке. И я знаю, что не все мои гости тащатся от велосипедов. Кого-то с собой притащили друзья или партнеры. Кто-то с детства не катался – а то и вообще никогда. Как правило, хоть и не всегда, после тура они превращаются в любителей велопрогулок.

Я надеюсь обратить и Лайонела. Пусть его тетушка нами гордится!

Скарлетт ударяет по столу.

– Кей-Кей, прошу тебя! Ты же знаешь, наша Розмари та-

кого не выносит. Исчезающие трупы! Ради бога, зачем было такое говорить?

Розмари слегка краснеет.

– Все в порядке, Скарлетт. Все хорошо.

Судя по тону, все не очень-то хорошо.

Скарлетт указывает на меня:

– Ты и Сэйди расстроила! Ей и так плохо после всех этих тел.

Я хочу ей возразить с математической точки зрения. Слова «всех этих тел» подразумевают высокое измеряемое количество, как, например, рой пчел, стая птиц... стадо. Я решаю промолчать.

Скарлетт продолжает разглагольствовать, не обращая внимания на нарастающее недовольство на лице Кейко.

– Вот что произошло: ты снова лунатила на велосипеде, Кей-Кей. Знаю, ты перестала пить таблетки от бессонницы, но кто знает, вдруг дело было вовсе не в них? Ты можешь отправляться на прогулки пешком и на велосипеде во сне самостоятельно. И вчера ты одолжила у меня мелатонин.

– Мне от мелатонина снятся беспокойные сны, – говорит Розмари. – Кейко, ты не пробовала пить ромашковый чай? Будь мы дома, я предложила бы выпить тепленький «Хорликс»⁵. Интересно, а здесь есть «Хорликс»?

Скарлетт хвалит крестницу за отличное предложение.

⁵ «Хорликс» (англ. Horlicks) – популярный в Великобритании сладкий напиток на основе солодового молока.

– Кстати, Кей-Кей, ты ведь вчера выпила целых два бокала белого вина. Ты знаешь, что со мной творит шардоне.

Вся группа синхронно вздрагивает.

– Она превращается в настоящую змею! – театральным шепотом сообщает мне Бенджи, демонстрируя руку, по которой бегут мурашки.

– Опера, – качает головой Морис. – Вот главная беда. Этот Вагнер последнее время... Вчера я слышал «Кольцо нибелунга» из твоих наушников, Кейко. Вагнер где угодно введет в смятение, особенно в такой близости от Рейна.

Бенджи снова склоняется ко мне с пояснениями:

– Золотые яблоки, бессмертие, валькирии, погребальные костры... Не хочется с таким столкнуться в темном переулке.

Я ничего не понимаю, но энергично киваю.

– Ну вот, пожалуйста, – говорит Скарлетт. – Целый галлюциногенный коктейль. Мелатонин, белое вино, Вагнер. У тебя снова был приступ лунатизма, Кейко.

– Не переживай, Кейко, – говорит Бенджи. – Мы в любой момент готовы спасти тебя с любой странствующей баржи. – Он смеется. – Только постарайся снова не угодить в международные воды. То еще было приключение! Совершенно разрушило мои юношеские романтические представления о пиратах.

Мои страхи не знают, рассеяться им или усилиться. С одной стороны, гости предложили объяснение, в котором ника-

кой труп не фигурирует. С другой стороны – Кейко лунатит на велосипеде? И сталкивается с баржами? У меня запланирован выход на воду. И что они такое говорят про шардоне и взятки на границе? И почему при Розмари нельзя упоминать пропавшие тела?

Вот почему пастухам и тур-гидам нельзя расслабляться ни на секунду, даже во сне.

Глава 3

Суббота. Наша первая сегодняшняя остановка – деревушка Юнавир; ее население составляет всего пятьсот человек, но роскошные виды не уступают многим более популярным местам. Нас ждет еще одна из «Самых красивых деревень Франции».

* * *

Двадцать минут спустя я на месте – на десять минут раньше условленного. Скарлетт провозгласила, что отправление состоится в 9.45. Мне, конечно, не хочется, чтобы Скарлетт думала, что она тут главная, но я была только рада согласиться. Я допиваю безумно сладкую и одновременно горькую жижу – самый вкусный плохой кофе, что мне доводилось пробовать.

– Спасибо! – восклицаю я, обращаясь к Наде, и протягиваю стакан, чтобы получить добавку. – Если ты правда сама больше не хочешь.

Коллега морщится.

– Нет! Я его взяла, просто чтобы... как это называется? Разыграть Жорди? Поиграть с Жорди? Что-то с игрой.

– Подыграть Жорди, – подсказываю я.

Надя – украинка, она знает несколько языков. Она тихонько повторяет «подыграть Жорди» несколько раз, чтобы запомнить выражение, и улыбается, глядя вперед. Наш фургон припаркован неподалеку от гостиницы, фахверково-

го дома с треугольной крышей, напоминающей ведьмовскую шляпу. Наши велосипеды стоят в ряд в тенечке. Мой велик, как и Надин, кажется маленьким и хрупким рядом с шестью массивными электровелосипедами, которые мы смогли купить благодаря щедрому пожертвованию от одного благодарного гостя.

Жорди Воллан – мой механик, гениальный технарь, водитель фургона, а с недавних пор – официально парень Нади; он полирует и без того сияющие окна и насвистывает, словно пташка из мультика.

– Хочешь узнать, какой перед тобой мужчина? – мрачно говорит Надя. – Съезди с ним в поход.

Она закатывает серо-голубые глаза и тяжело вздыхает. Ветер развеивает ее золотистые волосы с голубыми кончиками. Но ей меня не провести – девушка, которая отказывается от ночевки в роскошном отеле, чтобы разбить лагерь на козлиной ферме приятеля ее парня, явно серьезно влюблена.

Надя продолжает:

– Жорди – он может колоть дрова, разводить костер, отдать мне все одеяла, чтобы спать было приятно... Но не готовить. Вообще никак. Ни кофе. Ни даже воду. У него вода кипит и испаряется! А ему все равно. Он даже не замечает. Это что-то значит.

Это значит, что он по уши влюблен и ничего другого вокруг не видит, как мне кажется. Или же что он и правда не соображает, как вскипятить воду.

– Твой детектив Лоран, он ездит в походы? – спрашивает Надя.

Я могу запротестовать, что детектив Лоран вовсе не «мой». Мы просто друзья. Друзья, которые вместе катаются на велосипедах, которые с большим наслаждением весь июль открывали для себя новые рестораны и пекарни, которые иногда гуляют по берегу Средиземного моря в лучах закатного солнца, сидят на каменном пляже и слушают шумы волн, шепчущих свою историю. Я могу сказать все это, но мои щеки тут же вспыхивают от воспоминания о первом – и прощальном – легком поцелуе, который Лоран оставил на моих губах, провожая меня до вокзала на прошлой неделе.

– Можно сказать, он в походе прямо сейчас, – говорю я. – Он с другими жандармами на учениях в дикой природе, на военном форпосте в Альпах.

– Ага! Жаль, что ты не можешь там на него посмотреть. Мужчина в дикой природе – вот где он настоящий.

– Я и так хорошо его знаю, – говорю я. Ладно, это преувеличение. Я знаю Жака Лорана, мужчину, который гладит свои льняные рубашки, любит длинные обеды и предпочитает красные вина *Côtes de Roussillon*, в которых он чувствует терруар⁶ виноградников. Он щепетильный, педантичный, настоящий гурман. При этом он с удовольствием рассекает

⁶ Терруар (*фр.* terroir) – это совокупность природных условий конкретной местности, которые влияют на формирование вкуса и качества сельскохозяйственных продуктов, особенно винограда и вина. – *Прим. ред.*

по каменистым горным дорогам на специальном велосипеде и ловит убийц.

Лоран предпочитает, чтобы к нему обращались по фамилии и жить сегодняшним днем, как завещал Пруст. Но в отличие от Пруста пускаться в воспоминания о прошлом он не любит. Лоран не менее загадочен, чем некоторые его расследования. С его отъезда восточек от него было мало, но на другое я и не рассчитывала. В конце концов, в бараках нет вай-фая, а сотовая связь – так себе, как он меня предупреждал. Он вообще не фанат переписок.

Пока я получила от него два послания. Оба – фото еды с сухими фактическими комментариями. На первой фотографии был потрясающей красоты тарт в форме инжира с зеленым марципаном на верхушке; подпись: «*La figue*⁷, свободный вечер в Шамони». На втором фото была тарелка бежевого куска мяса и картошки. Подпись была лаконичной – «λ». Да, Жак Лоран послал мне эмоджи. Что это, если не крик о помощи?

В ответ я отправила фото тарта фламбе, приготовленного в дровяной печи, очаровательной винной лавки и претцеля размером с велосипедное колесо. С удовольствием продолжу этот флирт через фото еды, даже если за этим ничего не стоит. Такие фотографии интерпретировать гораздо проще, чем эмоджи или аббревиатуры, в которых я вечно путаюсь.

Но было бы неплохо получить какие-то новости о нем.

⁷ Инжир (фр.).

Может, мне и стоит предложить ему сходить вместе в поход, когда мы вернемся. Только вот я люблю удобные кровати и горячий кофе с круассаном по утрам. Так что можем сходить в поход в уютный лофт над кофейней.

Возвращаю Наде крышку от термоса.

– Ты просто мой спаситель. Поверить не могу, что я проспала.

– Я могу, – говорит Надя. – Я слышала. Ты потеряла труп. Это правда?

– Нет, – говорю я, ослепленная сахарно-кофеиновым оптимизмом. – Не было никакого трупа. Все в порядке.

Надя фыркает.

– Все в порядке не бывает. – Выражение ее лица мрачнее отсутствующих сегодня туч. – Кстати, Габи, хозяйка гостиницы, должна с тобой поговорить. Она утверждает, что потеряла наши деньги. – Надя пожимает плечами. – Пропавшие деньги, пропавшие трупы. Проблем уже слишком много.

– Что? – Мой внутренний бухгалтер хочет тут же приняться за расчеты. Мой внутренний владелец малого бизнеса пытается не паниковать.

Мы заплатили приличный депозит – больше, чем я обычно выделяю на размещение, но в этот раз гостиницу выбирала сама группа. Я весь наш тур построила вокруг этого.

– Но чек был внесен. Как деньги могли потеряться?

– Лучше спроси ее. – Надя кивает в сторону сада. Габи Морель, хозяйка гостиницы, живет в коттедже с семьей – де-

душкой и мужем-англичанином. И сейчас Габи, напоминающая красное пятно, спешит по направлению к нам. Ее медные кудряшки выбиваются из небрежного пучка. В ее платье всех цветов рассветного неба, должно быть, больше слоев, чем в мильфее.

Мы обмениваемся бонжурами, после чего лицо Габи мрачнеет.

– Произошло нечто ужасное.

– Кто-то умер? – спрашивает Надя. Когда Габи обращает на нее удивленный взгляд круглых глаз, Надя пожимает плечами. – Раз нет, значит, не все так ужасно, *non*?

Надя пережила страшную разруху на родине, а потом – июнь с несколькими убийствами в нашем туре. Она помогает взглянуть на все под другим углом, пусть и достаточно резко.

– Надя говорит, что наш депозит, э-э... – начинаю я.

– Пропал, – подтверждает Габи уже более спокойным тоном. – Да, это моя вина. Эдди, мой муж, уехал на конференцию по гостиничному бизнесу. В Леон. Счастливчик... Перед отъездом он, должно быть, перевел депозит на другой счет. Мне пришло уведомление, что счет просрочен. Мне нужно его оплатить, но я никак не могу вспомнить пароль от банковского аккаунта. – Она надувает щеки и тяжело выдыхает. – Но это моя проблема, не ваша.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не выдохнуть с облегчением. Не моя проблема. Но мне хочется как-то помочь.

– Может быть, муж помнит пароли? Вы можете ему по-

звонить?

Габи закатывает глаза.

– *Mais oui*⁸. Да, разумеется, я могу ему позвонить. Я могу написать ему на почту и во все мессенджеры. Но ответит ли он? – Она снова надувает щеки и выдыхает – так французы обычно демонстрируют отчаяние. – Когда Эдди уезжает – он как соседская собака, Шу-Шу. – Она указывает на ближайший соседний дом.

Мы находимся на окраине Риквира, достаточно далекого от моего родного городка и географически, и по атмосфере. Родовое гнездо Габи находится неподалеку от средневековых крепостных стен, окружающих деревню. Помимо виноградника, ее ближайший сосед – небольшое шато нежного желтого цвета с каменными башнями с красной черепицей. Его хозяин содержит винодельню, пусть и небольшую, но с отличной репутацией. Кудрявые стриженные деревья – мне они всегда напоминают пуделей – высажены вдоль границы участка. Между стволами замечаю черную собаку, по размерам не уступающую медведю. У нее маленькие треугольные ушки и хвостик-обрубок; пес носится туда-сюда между цветами, такой же суетливый, как, должно быть, муж Габи.

– Путешествия, – мрачно говорит Надя. – Как походы. Показывают, какой человек на самом деле.

– Мой Эдди, – нежно вздыхает Габи. – В душе он еще

⁸ Конечно (*фр.*).

мальчик. А, *voilà!*⁹ Отличная идея! Мальчик и его пес! Эдди обожает Шу-Шу. Он забрал бы его себе, если бы не моя аллергия. И тот факт, что Шу-Шу – мамонт, который съедает все на своем пути. Может, это и есть пароль. «Шу-Шу»? День рождения Шу-Шу?

Она разворачивается и направляется обратно к дому, по дороге помахав рукой моей группе.

Они как раз подходят к нам с велосипедами. Лицо Кейко настолько кислое, что, кажется, скоро начнет ферментацию. Затыкающие уши наушники соединены с телефоном, прикрепленным к плечу, как манжета тонометра. До меня доносится очень тихое, но драматическое крещендо.

Посмею ли я попросить ее убрать хотя бы один наушник? Мы начнем поездку с тихих, спокойных дорожек, а потом свернем на грунтовые дороги, проходящие через виноградники. Машин там практически не бывает. Тем не менее велосипедисту всегда надо обращать внимание на все, что его окружает, – как для безопасности, так и для удовольствия. Почему бы не насладиться симфонией природы? Крапивники, черные дрозды, щеглы; цикады, сверчки, лягушки?

Кейко ловит мой взгляд и сильнее прижимает наушники. Ну и ладно. Она взрослая женщина, в конце концов. Может, моя речь перед поездкой ее воодушевит.

Поскольку мы и так опаздываем, я очень торопливо напоминаю всем правила безопасности.

⁹ Вот (*фр.*).

– Мы поедем в Юнавир по очень красивой дороге, – говорю я. – По пути будет очень много красивых мест, где можно остановиться и сделать красивые фотографии.

Последнее я адресую Лайонелу, надеясь, что нашла к нему ключик. У него на груди висит камера размером с младенца, а к рулю велосипеда подцеплен телефон. Он постоянно его снимает и что-то фотографирует.

– Лайонел, дружище, будь готов запечатлеть сбежавший труп, – усмехается Морис.

Мрачная гримаса Кейко могла бы заморозить целый виноградник. Но я, ведомая магией кофейного пойла Жорди, решаю, что это хороший знак. Ведь это показывает, что Кейко слышит нас сквозь оркестр в ушах.

Я повышаю голос и пропеваю лучшее слово любого тура:

– Поехали!

– В путь! – восклицает Скарлетт.

– Вперед! – подхватывает Бенджи.

Я выезжаю вперед. Когда мы добираемся до тротуара, я прибавляю скорость, не сомневаясь, что мои гости на электровелосипедах с легкостью будут за мной поспевать. Мы проезжаем соседское шато, построенное в 1715 году, о чем сообщают массивные винные бочки, которые выше меня ростом, – изящные цифры написаны на них слегка выцветшей красной краской.

Радость придает мне скорости. Мы едем! Мы обгоняем все невзгоды! Небо нежно-голубое и чистое. Солнце греет

лицо. Лягушки поют серенады из болотистых ям вдоль узкой дороги. Впереди растягиваются виноградники, перекрывая горизонт, время от времени оттуда выглядывают шпили и крыши стареньких деревень, плывущих перед глазами, словно мираж. За моей спиной звенят звоночки велосипедов. Значит, моя группа в таком же восторге, как и я. Не терпится показать им...

Снова звоночки. Настойчивые бринь-бринь. И голос:

– Сэйди, стой! *Arrêt!*¹⁰ – Меня нагоняет Надя. – Я тут звоню, кричу тебе! Ты не слышала?

Вот и мой прекрасный слух. Все заглушили витания в облаках.

– У нас беда. – Надя указывает назад.

Разворачиваюсь корпусом, стараясь не упасть (и не извергнуть кофе). Дорога пуста. Машин нет. Это хорошо. Никаких погнавшихся за нами собак. Никаких заблудших коров. Никаких сдувшихся колес. Это хорошо.

Никаких велосипедистов. Это плохо.

Мы и километра не проехали, а они уже потерялись? Все сразу?

Надя резко разворачивается. Я следую за ней, едва не слетая с узкой дороги.

– Мадам Скарлетт, – объясняет Надя, когда я ее нагоняю, – она увидела господина из красивого шато. Красавец на старом велосипеде. Который с большим передним коле-

¹⁰ Остановка, стоп, прекращение (*фр.*).

сом. Как их?

– Пенни-фартинг?

– Да, точно, он. Мадам Скарлетт очень интересно. Остальные за ней. Ты была впереди. Я попыталась крикнуть, но не так, чтобы гости подумали, что я недовольна, что они портят наше расписание. Понимаешь?

Еще как понимаю. Теперь мои ноги движутся благодаря раздражению. Раздражаюсь на Скарлетт, что она, можно сказать, отняла мое расписание, но больше раздражаюсь на саму себя – что не так пристально слежу за группой.

Шу-Шу мчится вдоль длинной подъездной дорожки шато, приветствуя нас. Он приветствует Надю двумя громкими гавками, затем так же приветствует меня. Следуя за пушистым гидом, мы с Надей въезжаем словно на картинку с открытки – такой винтажной, полной разных цветовых блоков. Дорога огибает журчащий фонтан перед шато. Ступеньки справа ведут к каменной постройке – винодельне и залу для дегустации вин.

Члены группы спешили, чтобы понаблюдать за импозантным мужчиной, делающим круг у фонтана на пенни-фартинге – динозавре мира велосипедов. Переднее колесо примерно с меня ростом, заднее – чуть больше салатника.

Меня снова посещает мысль о том, что я переместилась назад во времени.

Опускаю взгляд на часы – не чтобы проверить, в какой я эпохе, а чтобы свериться с уже испорченным расписанием. Я

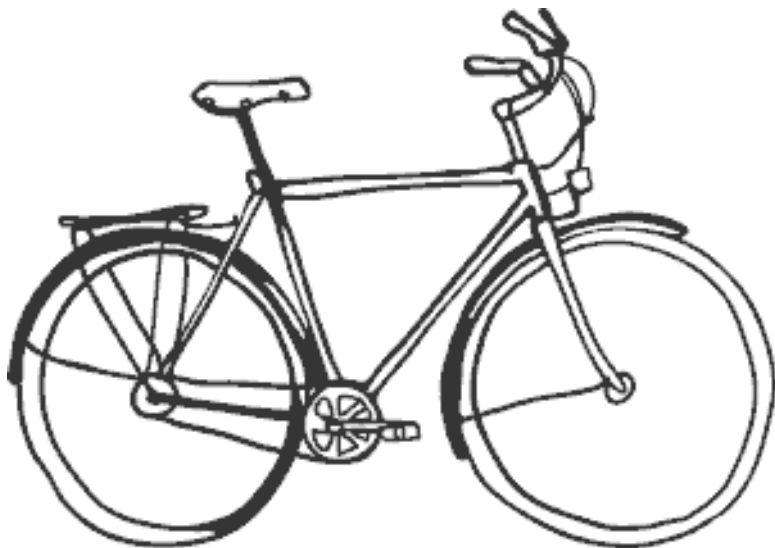
очень придирчива к деталям — пережитки моего прошлого, в котором я была экономистом и чаще взаимодействовала с цифрами, чем с людьми. Все дела и поездки я всегда расписываю по минутам и по метрам. Я люблю быть на месте либо минута в минуту, либо заранее. Составление списков и представление галочек доставляет мне особое удовольствие.

Я могла бы быть тем самым занудным гидом, который во что бы то ни стало настаивает на своем расписании. У нас на очереди и фонтан, и деревня, и обед из трех блюд на элегантном патио, где невероятно трудно забронировать столик в разгар сезона.

Но даже я понимаю, что в жизни иногда происходят такие вещи, которые никак нельзя было запланировать — и иногда они лучше любого расписания. Возможно, это как раз такой случай. В конце концов мы оказываемся у шато с башнями, где нас с улыбкой приветствует виноградарь, снимающий воображаемую шляпу. Остановка обещает быть крайне увлекательной.

Чувствую, как у меня в крови кипит сахарно-кофейный оптимизм Жорди. Почему бы и нет? Что может пойти не так?

Глава 4

Заметка тур-гида. В Эльзасе за год производится около 150 миллионов бутылок вина. Почти 90% из них – белые вина, в том числе элегантные рислинги и ароматные гевюрц-траминеры.

* * *

Встречающий нас мужчина представляется Пьер-Люком Бауманом, но его имя я и так знала. Я изучила все бро-

шюры и буклеты, предлагаемые Информационно-туристическим центром, и господина Баумана видела в самых glamorous журналах. На фото он поднимал бокалы золотистых рислингов на благотворительных вечерах, где вино льется рекой. Улыбался с другими хорошо одетыми посетителями роскошных галерей. Позировал в окружении виноградных деревьев. В общем, делал все то, что в моем воображении делают обитатели шато – все-таки они вертятся не в тех же кругах, что тур-гиды.

Однако виноградарь в душе – обычный фермер, тонко чувствующий погоду, солнце и почву, и Пьер-Люк на вид – простой и приятный человек. У него широкая улыбка, выгоревшие на солнце волосы и глубокий натуральный загар, приобретенный на свежем воздухе. Думаю, он ровесник Розмари и Лайонела, за пятьдесят пять. Плюс-минус. Я обычно плохо угадываю возраст, с полной уверенностью могу только сказать, что человеку где-то от нуля до ста.

Скарлетт, которой почти восемьдесят, явно тоже в его возрасте не уверена. Она либо игриво хлопает ресницами, либо пытается незаметно отбиваться от мошек.

– Роскошно, – томно протягивает Скарлетт и выдерживает долгую паузу. – *Quel beau vélo*¹¹.

– И правда очень красивый велосипед, – соглашается Морис, оглядывая пенни-фартинг. – Модель тысяча восемьсот восьмидесятых?

¹¹ Какой красивый велосипед (*фр.*).

Начинаю переводить на французский, но меня заглушает Скарлетт, проговаривая все, как актриса в романтической постановке. Собственно, зря я старалась, потому что Пьер-Люк отвечает по-английски:

– *Oui*, это моя новая старая малышка. – Пьер-Люк протягивает ногу назад, ставя ее на ступеньку, с помощью которой можно залезть на пенни-фартинг и спуститься с него. После этого Пьер-Люк делает прыжок к нам. – Вы гостите у Габриэль и Эдди? Вы из той самой всемирно известной компании?

– Да, мы славимся своими похождениями, – с намеком говорит Скарлетт.

– Нас показывали по «Би-би-си» в Котсуолде, – говорит Бенджи.

– Он про «ПЕДАЛИ». – Кейко достает из уха наушник. – Он про Сэйди и убийства. Разве вас не показывали по всемирному «Би-би-си», Сэйди? Все эти таблоиды?

У меня в голове проносятся ужасные заголовки. ПЕ-ДА-ЛИ? ПЕ-НЕТ-ЛИ! ТУР ОТ УБИЙСТВА К УБИЙСТВУ! СМЕРТЬ НА ДВУХ КОЛЕСАХ!

Пьер-Люк кивает, мол, да, речь о тех самых «инцидентах». Спасибо, что не выбрал слово похуже.

– Вы так храбры, что продолжаете ездить, – говорит он.

– Все эти инциденты в прошлом, – уверенно говорю я. – Ничего такого больше не повторится.

Недавно я взяла женский журнал в супермаркете. Статья, указанная крупным текстом на обложке, приказала мне каж-

дый день начинать с озвучивания целей уверенным голосом. И не каких-то мелочей, вроде стирки или полировки велосипедов. Речь о больших целях, об улучшении себя. Мысленно пробую аффирмации. Сегодня я буду вести тур с энтузиазмом и гибкостью. Сегодня я буду ценить красоту людей и шато. Сегодня я не найду ни одного трупа!

Тот же журнал строго-настрого запрещал носить спортивную одежду не во время занятий спортом, так что мне, наверное, не стоит всерьез воспринимать все, что там написано.

Кейко вынимает второй наушник.

– Только вот оно повторилось. Я нашла мертвое тело вчера вечером в деревушке.

– Мертвое тело, мадам? – В голосе Пьер-Люка звучит нескрываемое отвращение, словно он – модный критик, увидевший мои велошорты с подкладкой в мишленовском ресторане. – Какой кошмар! Чье тело?

– Нет никакого тела, – говорит Скарлетт, продолжая хлопать ресницами. – Наша милая Кейко иногда колесит во сне. Она путается. – Скарлетт похлопывает Кейко по руке, не обращая внимания на яд в ее взгляде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.